

ДЖАСТИН КРОНИН

ПАРОМЩИК

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 83

Justin Cronin
THE FERRYMAN
Copyright © 2023 by Justin Cronin
All rights reserved

Перевод с английского Игоря Иванова
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-26225-6

© И. Б. Иванов, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Пространства с временем пределы миновав,
Узрев и трон живой в сапфировом сиянье,
И лики ангелов в священном трепетанье,
Все видел он; но свет ему пресытил очи,
И затворилися они в безбрежье ночи.

Томас Грей. Успехи стихотворства

Пролог

Она осторожно выбирается из дома и видит, как разгорается утренняя заря. Воздух прохладен и свеж; на деревьях щебечут птицы. Повсюду слышится звук моря — великого мирового метронома. Над морем раскинулось бархатное небо, полное гаснущих звезд. На ней лишь светлая ночная сорочка, в которой она идет по саду. В ее поступи нет нерешительности; она просто шагает, неторопливо, почти восторженно. Должно быть, сейчас она похожа на призрака, который одиноко проплывает среди цветочных клумб, журчащих фонтанов, живых изгородей, подстриженных не слишком аккуратно, так что есть опасность пораниться об острые кромки. Окна дома за ее спиной темны, а сам он похож на каменную глыбу. Но скоро те окна, что обращены к морю, наполнятся светом.

Нелегко покидать и жизнь, и этот дом. Каждая мелочь очерчивает свою бороздку в том целом, что составляют запахи, звуки, ассоциации и ритмы. Скрипучая половица в коридоре второго этажа. Запах, в конце дня встречающий каждого, кто открывает входную дверь. Выключатель, который инстинктивно находишь в темной комнате. Она могла бы пройти по дому с завязанными глазами и не задеть ни одного предмета мебели. Двадцать лет. Если бы она смогла, то прожила бы здесь еще двадцать.

О своем решении она сообщила Малкольму после обеда. То был прекрасный обед с его любимыми блюдами: жареные бараньи ребрышки, ризотто с сыром, жареная спаржа в масле. И все это — под хорошее вино. На десерт — кофе и маленькие пирожные с кремом. Они решили пообедать на открытом воздухе, тем более что вечер был тихим и теплым. На столе — буйство цветов, до слуха доносится шелест волн, чем-то похожий на тиканье часов, пламя свечей придает особый оттенок их ли-

цам. «Ты даже не узнаешь, когда это произойдет, — сказала она. — Я просто уйду». А затем она беспомощно смотрела, как он принял удар, закрыв лицо ладонями. «Так рано? Зачем именно сейчас?» И тогда она скомандовала: «Идем в постель». Тело скажет ему то, чего не в состоянии передать слова. Потом он плакал, лежа в ее объятиях. Ночь отсчитывала часы. Наконец он уснул, утомленный горем.

«Прощай, сад, — думает она. — Прощай, дом. Прощайте птицы, деревья и долгие, неспешные дни. И пока я еще здесь, прощай, вся ложь, которую я была вынуждена твердить».

Она стареет. И уже перепробовала все ухищрения, предпринимаемые женщиной в борьбе с возрастом. Кремы и экстракты. Многочасовые упражнения и строгие диеты. Небольшие косметические операции, совершающиеся втайне от Малкольма. Она применяла все доступные ей средства и способы, чтобы замедлить старение, но все имеет свой конец. Она решила дожидаться, когда кто-нибудь выскажет это ей в лицо, и... Вот оно, как гром среди ясного неба.

— Синтия, ты следишь за собой?

Они только что закончили играть в теннис. Всегдашняя вторичная компания. Дюжина приятных женщин. После игры — чай со льдом и только легкие салаты, как бы голодны они ни были. Она играла неважно. По правде говоря, даже скверно. Саднящие колени замедляли движения, жгучее солнце высасывало силы. Руки и ноги чувствовали неумолимый ход времени — а судя по лицам и телам подруг, для них оно ползло с учтивой неспешностью.

Но ей задали вопрос. Подруга ждала ответа. Ее звали Лорелея Суон. Женщине было под шестьдесят, но выглядела она на тридцать: натянута кожа, худощавые руки и ноги с красивыми мышцами, вылепленными на занятиях йогой, чудесные пышные волосы. Даже кисти рук Лорелеи выглядели отлично. Был ли вопрос подруги выражением искреннего беспокойства или имел более мрачный подтекст? Синтия знала, что такой день настанет, и все же была застигнута врасплох: готового ответа у нее не оказалось. Мозг лихорадочно заработал и быстро нашел ответ. Нужно обратить это в шутку.

— Поверь, была бы ты замужем за Малкольмом, тоже выглядела бы усталой, — сказала она подруге. — Он не принимает никаких «нет».

И Синтия захохотала, надеясь, что Лорелея последует ее примеру. После нескольких томительных секунд та действительно засмеялась, а за ней — и остальные женщины. Вскоре все заговорили о своих мужьях. Это было чем-то вроде пари; каждая повышала ставку, рассказывая свою историю. Они даже сравнивали нынешних мужей с бывшими, а также с любовниками: кто лучше и внимательнее в постели, кто выводит жену из себя, бросая потные беговые шорты на пол ванной, кто выдавливает зубную пасту из середины тюбика.

Времяпровождение вышло приятным. Все вели привычные женские разговоры. Однако Синтия чувствовала, как внутри ее что-то оборвалось и упало. «Ты следишь за собой?» Это упал острый нож.

«Прощай, все это, прощайте, все, кто создавал для меня видимость жизни».

И тем не менее она будет тосковать не по вечеринкам и концертам, не по мягкой коже ее туфель и сумочек, не по долгим обедам с прекрасной едой и таким же вином, не по многочасовым застольным разговорам. Совсем нет. Она будет скучать по своему мальчику. Она думает о двух днях, один из которых стал началом, а другой — концом. Первый — день, когда он появился в ее жизни. Синтия думала, что ничего не почувствует; усыновление питомца было обычным поступком для женщины ее положения. Питомец как бы становился предметом интерьера, наряду с диваном в гостиной или картинами на стенах. Правда, предметом живым, подвижным. «О, вы взяли себе питомца! — скажут в таком случае люди. — Представляем, как вы взволнованы!» Разумеется, поначалу они увидели его на фото. Такие поступки не совершаются вслепую. Однако стоило Синтии увидеть его стоящим у перил паромной палубы, как в ней что-то изменилось. Мальчик оказался выше, чем она себе представляла: не меньше шести футов. Из-за нелепой одежды, плохо сидевшей на нем и напоминавшей пижаму или облачение хирурга, он казался еще выше. Во взглядах остальных питомцев сквозили рассеянность и безразличие, а ее мальчик вертел головой, глядя на собравшихся, здания города и даже на небо. Он запрокидывал голову, подставляя лицо солнцу. Синтия сразу обратила внимание на ужасную стрижку. Казалось, им занимался слепой парикмахер. Это она исправит сразу же. У мальчика должна быть подобающая прическа.

— Как по-твоему, это он? — спросил муж и, не дождавшись ответа от Синтии, обратился к сопровождавшему их агенту по усыновлению. — Это и есть наш сын?

Однако Синтия почти не обращала внимания на происходившее вокруг. Голос мужа, шум толпы, солнце, небо и море — все меркло по сравнению с этой неожиданной, яркой реальностью: мальчиком. В ее мозгу замелькали вопросы. Какую еду он будет предпочитать, какую одежду? Какую музыку будет слушать, какие книги читать? И почему ее вдруг начали волновать подобные вопросы? Он появился в ее жизни благодаря обычной бюрократической процедуре. Отчего же она вдруг почувствовала внезапную нежность к мальчишке, с которым еще не перемолвилась ни словом? Паром пришвартовался к причалу. Питомцы собрались у сходней. Участок причала, куда им вскоре предстояло спуститься, был отгорожен канатом, заходить за который приемным родителям не разрешалось. Мальчик — *ее* мальчик — стоял в очереди первым. («Ее» мальчик? Неужели это произошло так быстро?) Он размеренно спускался по сходням, глядя вперед и держась обеими руками за перила. Так, наверное, выходят из космического корабля на поверхность чужой планеты — настолько методичными были его движения. На причале мальчика встретили мужчина в темном костюме, с планшетом в руке, и женщина в белом халате, державшая наготове ридер. Мужчина в костюме молча закатал мальчику рукав и стал придерживать его руку. Его помощница — вероятно, врач — подсоединила провода к портам на персональном мониторе своего начальника. Последовала пауза. Врач проверяла показания. В толпе перешептывались, ожидая результата. Наконец женщина подняла голову и громко произнесла:

— Прошу приемных родителей подойти!

Агент по усыновлению отцепил канат. Синтия и Малкольм пошли навстречу мальчику. Тот устремился к ним. Все трое встретились в пустом пространстве между толпой и сходнями. Мальчик заговорил первым.

— Как поживаете? — спросил он и тепло улыбнулся. — Я — Проктор, ваш питомец.

Он протянул руку. Жест был не совсем естественным. Чувствовалось, что будущих питомцев специально учат этому.

— Ну вот мы и встретились, сынок, — сказал муж Синтии и, улыбаясь во весь рот, дружелюбно пожал мальчику руку. — Рад наконец-то увидеть тебя воочию.

— Привет, папа, — ответил мальчик, затем повернулся к Синтии и тоже протянул руку. — А ты, должно быть, моя мама. Я очень счастлив познакомиться с вами обоими.

Познакомиться с вами! Синтия чуть не засмеялась. Но причиной было не пренебрежение, а искреннее удовольствие. Какой же он вежливый! Как он стремится быть хорошим, понравиться им, превратить их супружескую пару в полноценную семью! И это имя — Проктор. Оно происходило от латинского «procurator» (об этом Синтия узнала потом; ее муж был сведущ в подобных вещах) и в переводе означало «служитель» или «управляющий». Человек, управляющий делами других. Как замечательно! Синтия не стала пожимать ему руку, а взяла ее в свои ладони, ощущая тепло и пульсацию жизни. Потом заглянула ему в глаза. В них было что-то такое... Что-то иное... душевное. «Интересно, каким он был в прежней жизни? — невольно задумалась Синтия. — Чем занимался? Кем были его друзья? Сколько у него было жен?»

Был ли он счастлив?

— Синтия, выпусти руку нашего мальчика.

Тогда она засмеялась и убрала руки. «А ты, должно быть, моя мама». Он был всего лишь мальчишкой, заново родившимся в этом мире. Пусть и ростом шесть футов, но все равно мальчишка. А она станет его матерью.

«Так и есть», — думает она, идя по лужайке, спускающейся к проходу. Небо светлеет. Звезды полностью исчезли, на горизонте появилась разгорающаяся полоска света. В тот день Синтия приняла Проктора в свое сердце. И не только она, Малкольм тоже. Этот суровый мужчина с его моральными принципами, этот любитель правил и протоколов... Казалось, над его жизнью взмахнули волшебной палочкой, и большая деревянная кукла, которой был Малкольм, от внезапного прилива любви превратилась в живого человека. Как замечательно, по-мужски, улыбался Малкольм, пожимая руку Проктору! Какой радостью сияли его глаза, когда он показывал мальчику комнату, в которой тот будет жить: кровать из тикового дерева, секретер, картины с изображениями кораблей на стенах, старый телескоп на

треножнике, повернутый в сторону моря. А во время их первого семейного обеда муж делал все, чтобы их сын почувствовал себя дома, не знал, чем еще угостить Проктора, и терпеливо учил его пользоваться вилкой и ножом. В конце этого удивительного дня Малкольм на цыпочках вышел из комнаты сына и тихонечко прикрыл дверь. Увидев в коридоре Синтию, он приложил палец к губам: «Тише, не разбуди». Могла ли она не проникнуться искренними чувствами к такому мужчине?

И второй день, через несколько лет. Давным-давно Синтия услышала слова о любви и готовности отпустить того, кого любишь. Слов она не запомнила, только общий смысл. Потеря — это часть «бухгалтерии» любви, ее единица измерения. Подобно тому как фут состоит из дюймов, а ярд — из футов, любовь состоит из потерь. Проктор только что поступил в университет: то был год его триумфа, когда у него проявился особый дар. Он просил Синтию не ходить, чтобы он не нервничал, но она все равно пришла и забралась на последний ярус трибун, опоясывающих бассейн, рассчитывая остаться незамеченной. Воздух был теплым и влажным. Звуки, раздававшиеся под сводами бассейна, оглушали и сбивали с толку. Далеко внизу блестел идеально ровный прямоугольник неестественно-голубой воды. Синтия ощущала нарастающую тяжесть в груди, рассеянно следя за состязаниями в других видах плавания, пока очередь не дошла до ее мальчика. Заплыв на сто метров вольным стилем. Внешне Проктор выглядел так же, как остальные пловцы: облегающий костюм, очки, серебристая шапочка. Казалось, все они одинаковые, но только он был ее мальчиком и выделялся, как и в тот день, когда она впервые увидела его на палубе парома. Проктор стоял у кромки воды, делал разогревающие движения руками и вращал шеей. Наблюдая за ним, Синтия испытала странное чувство расширения, словно он был продолжением ее самой, колонией или форпостом. Он немного попрыгал, надул щеки и нервно выдохнул. Синтия поняла: сын погружается в себя, как человек, входящий в транс.

По сигналу судьи пловцы заняли места на стартовых тумбах и все как один низко нагнулись, коснувшись пальцами ступней. Зрители напряглись. Пловцы застыли. Секунды казались вечностью. Затем пропела труба; десять молодых, крепких тел взлетели в воздух и скрылись под водой.

У Синтии екнуло сердце.

Ее мальчик плыл по третьей дорожке. Он долго скользил под водой, прежде чем его голова появилась на поверхности. К этому времени Синтия уже стояла на ногах и орала как сумасшедшая: «Давай, давай!» Каждый взмах длинных рук Проктора толкал его вперед, словно сопротивления воды не существовало. Заплыв длился считанные секунды, но Синтии они показались бесконечными. Проктор достиг конца бассейна, перевернулся и поплыл обратно. Два взмаха — и он уверенно вырвался вперед. Вот-вот случится казавшееся невозможным. Синтия кричала во все горло, сердце летало, заряженное адреналином. На ее глазах сын переживал главный момент своей жизни.

Синтия даже не заметила, как окончился заплыв. Проктор коснулся стенки бассейна, а через мгновение оттолкнулся, чтобы взглянуть на табло, где появились его имя и цифры, показывавшие время. Цифры говорили о том, что он победил. Он ликующе вскинул руку и потряс сжатым кулаком, сияя от неподдельной радости. Тогда Синтия еще не знала, что он не только выиграл заплыв, но и установил новый рекорд для стометровки: на две десятых секунды быстрее предыдущего рекордсмена. Соперник Проктора, пливший по соседней дорожке, поздравил его с победой, ударив по растопыренной ладони.

Потом сын отошел, задрал голову и стал внимательно оглядывать трибуны. И вдруг Синтия поняла: его протесты были уловкой. Проктор с самого начала знал, что она придет в бассейн. Ей подумалось, что эта победа — подарок, который он сделал ей. Но едва она встала, чтобы крикнуть ему с высоты, как к кромке бассейна подскочила девушка, сидевшая в другом ряду. Проктор быстро вылез из бассейна, одним движением стянув с себя очки и шапочку. Девушка бросилась к нему и оказалась в его объятиях. Она висела на шее рослого Проктора, не доставая ногами до пола. Никто из них даже не замечал этого; оба были поглощены друг другом. А потом он крепко поцеловал ее, без всякого стеснения. Поцелуй был долгим; зрители на трибунах одобрительно кричали и свистели.

Разумеется, среди зрителей были и девушки. Странно, если бы Проктор не нравился им. Высокий, широкоплечий, улыбчивый. Во время разговора он всем своим видом показывал, что внимательно слушает собеседника, а не просто ждет своей оче-

реди поговорить, чем обычно грешат парни. Иными словами, он обладал многими качествами, которые привлекают девушек.

Но эта девушка, судя по поцелую, была не просто зрительницей. Тогда почему дома Проктор ни разу не обмолвился о ней? Ответ был очевидным: такая мысль просто не пришла ему в голову.

Синтия поспешно покинула бассейн. Ее сильно трясло. Она чувствовала себя покинутой, оставленной. Ее мальчик — больше не мальчик; он занял свое место за столом жизни. Когда она выходила из здания, послеполуденное солнце ослепило ее, как луч прожектора. Ощувив резь в глазах, она полезла в сумку за солнцезащитными очками. Она всегда держалась слегка отстраненно, ведь конец был предопределен с самого начала, подобно тому как в первом такте симфонии содержится завершающая нота. Однако Синтия оказалась неподготовленной к событию, которое только что пережила, к тому, что чувствовала в эти минуты. Да, любовь сделала ее лгуньей! От этой мысли из глаз брызнули слезы. Синтия сбежала со ступенек крыльца, пересекла стоянку и двинулась по шумным городским улицам. Одна.

Теперь все это в прошлом; все это утрачено.

В конце причала ее ожидает ялик. Синтия спускается в лодку, вставляет весла в скобы уключин и отплывает. Солнце уже встало и растянуло свои розовые полосы над морской гладью. Ни малейшего дуновения ветерка. Пару минут она просто сидит, затем берется за весла и начинает грести, удаляясь от берега.

Причал, пляж, дюны, дом, где она прожила двадцать лет, — все уменьшается. Исчезают мелкие детали, пейзаж становится более обобщенным, а затем берег пропадает из виду. Через какое-то время полоса спокойной воды заканчивается. Океан вокруг лодки становится темным и необузданным. Солнце все сильнее греет ей шею. Ялик качается на волнах, то поднимаясь, то опускаясь.

Синтия ждет наблюдателя.

И он появляется. До ушей Синтии доносится негромкий гул, похожий на звук «в», если произносить его сквозь сомкнутые губы. Дрон со стрекозиными крыльями снижается, сбрасывает скорость и зависает над лодкой. Он весь похож на стреко-

зу, только механическую, ухитряется выглядеть одновременно естественным и рукотворным, а потому он не то и не другое. Синтия задирает голову и смотрит на дрон. На его сверкающем хромированном подбрюшье — стеклянный купол с камерой внутри.

Кто сейчас наблюдает за ней? Она представляет дежурного оператора в подвальном этаже Министерства общественной безопасности, сидящего перед целой стеной мониторов. Он дежурил всю ночь; в усталых глазах — болезненная сухость. Подбородок успел покрыться щетиной. Во рту — кислый привкус. Уложив ноги на стол, он разгадывает очередной кроссворд из сборника. И вдруг что-то заставляет его поднять глаза к мониторам. Что там такое? Женщина в весельной лодке, одна. Странно: ей вздумалось плавать в этот ранний час. И что за одежда на ней? Никак ночная сорочка? Оператор нажимает несколько клавиш. На втором экране, показывающем очертания побережья, появляется красная точка — местоположение дрона. Женщина в ночной сорочке отплыла от берега на три мили.

Оператор нажимает еще несколько клавиш. Система распознавания лиц выдает новую порцию данных. Он узнаёт имя женщины, имя ее мужа, ее адрес и возраст: пятьдесят один год. В прошлом она работала в Департаменте по правовым вопросам Коллегии по надзору. Активно участвует в деятельности Харбор-клуба, Юнион-лиги и Оперного кружка. За последние два года ей выписали шесть штрафов за неправильную парковку, все они оплачены. Далее следуют названия благотворительных организаций, которым она помогала, газеты и журналы, которые она читает, сумма на банковском счету, размер одежды и обуви (6, 8½), а также название ее любимого ресторана («Иль Форно» на площади Просперити; согласно данным ее кредитной карточки, она бывает там каждую неделю). Иными словами, оператору становится известно очень многое, однако ни одно из полученных сведений не дает ответа на вопрос, почему в этот июльский вторник в 6:42 (он проверяет время) женщина села в весельную лодку и удалилась от берега на три мили. Почему она в ночной сорочке. Почему одна.

Что это она делает?

Оператор трет глаза и придвигается ближе к монитору. Женщина достает из-под скамейки полотняный мешочек, быстро

развязывает тесемки, извлекает три предмета и кладет их на скамейку возле себя. Металлический прут или штырь длиной около фута. Ножницы для резки проволоки. И нож в потертом кожаном футляре.

Оператор поднимает телефонную трубку.

Синтии хватает решимости на дальнейшие действия лишь потому, что она смотрит на происходящее глазами воображаемого дежурного оператора. Пока тот ждет ответа начальника и с возрастающим беспокойством смотрит на экран, она сует штырь себе в рот и закатывает рукав ночной сорочки, обнажая порт персонального монитора — маленький прямоугольник между локтем и запястьем. Затем берет нож. Оператор прикидывает на глаз длину лезвия. Дюймов шесть, с закругленным концом. Такими ножами чистят и потрошат рыбу. Синтия делает три глубоких вдоха, крепче сжимает рукоятку ножа и представляет конец лезвия к ложбинке у края монитора. Дождавшись, когда лодка перестанет качаться на волнах, она вонзает лезвие в руку.

Из раны хлещет кровь. Синтию обжигает болью. У оператора нет звука, иначе он услышал бы сдавленные крики, сопровождающие вырезание монитора из тела. Какое счастье, что он ничего не слышит. Синтии немного жаль этого незнакомого человека, по чистой случайности вынужденного следить за ужасной сценой. Нож огибает монитор по периметру; сорочка, скамья и дно лодки обильно залиты кровью. Синтия мотает головой от боли. Кажется, она сломала себе зуб. Наконец лезвие уходит под монитор. Слышно, как рвутся нити датчиков, затем раздается глухое бульканье: монитор отделен от руки.

«Да возьми же трубку! — слушая длинные гудки, бормочет оператор. — Возьми трубку! Слышишь?»

Синтия дважды щелкает ножницами и бросает монитор за борт. Туда же летит вытащенный изо рта штырь. Перед глазами вспыхивают яркие точки, похожие на танцующих светлячков. Дышать становится тяжело. Собрав остатки сил, Синтия идет к носу лодки и снимает якорь с держателя.

Потом начинает обвязывать якорный канат вокруг лодыжки.

В этот момент начальник дежурного оператора наконец-то отвечает на звонок. «Что такое? — резко спрашивает он. — Что еще приключилось? Почему вы звоните мне в такую рань?»

Но оператор не отвечает. Он не в состоянии произнести ни слова.

Синтия выпрямляется. Окровавленная сорочка липнет к телу. Лодку сильно качает на волнах, и Синтия едва не падает. Руки и ноги не слушаются ее. Голова стала легкой, как воздушный шарик. И все же она находит силы, чтобы поднять якорь и прижать его к груди.

Она запрокидывает голову. Над ней, на фоне голубого утреннего неба, висит дрон.

О чем она сейчас думает? Дежурный оператор не знает этого и даже не может вообразить. Она думает о мужчине и мальчике, оставшихся дома, о том, что их семейная жизнь оказалась такой короткой. «Прощайте, — шепчет она. — Прощайте, мои дорогие. Мне не надо было любить вас, но я любила. Любила». Прижав якорь к груди, нежно, как мать — дитя, она закрывает глаза, изгибаясь, наклоняется назад и падает в воду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Сон всегда был один и тот же.

Я плаваю в море. Удерживая дыхание, я плыву под водой, мчась сквозь этот текучий зеленовато-голубой мир. От рук и ног исходит ощущение чистоты и силы, мои взмахи мощны, но я это делаю без усилий. Далеко вверху, на поверхности, искрятся солнечные блики.

Оставляя за собой цепь пузырьков, я поднимаюсь на поверхность. Солнце заходит, протягивая красные и оранжевые полосы на фоне пурпурного небосвода. Меня влечет неведомая сила. Мои действия нельзя назвать произвольными или непроизвольными; они просто совершаются. Я удаляюсь от берега. Быстро темнеет, и я вдруг с ужасом ощущаю, что совершил ошибку. Все это — громадная ошибка. Я поворачиваюсь к берегу. Нигде ни огонька. Суша исчезла. Охваченный паникой, я отчаянно молочу по воде, напрочь потеряв ориентацию. Я один в безбрежном море.

— Проктор, тебе нечего бояться.

Рядом со мной плывет женщина. Ее движения размеренны. Она держит голову над поверхностью воды; так плавают тюлени. Я не вижу ее лица; голос мне незнаком. Однако в ней есть что-то, наполняющее меня великим спокойствием, словно все это время я ждал ее и она наконец появилась.

— Нам не придется долго плыть, — мягким голосом говорит она. — Я буду показывать тебе направление.

— Куда мы поплывем?

Она не отвечает и уплывает вперед. Я следую за ней. Ветра нет, течения тоже. Поверхность моря неподвижна, как камень; слышатся лишь негромкие всплески от наших гребков.

— Видишь? — спрашивает она, указывая на небо.

Там появилась яркая звезда, заметно отличающаяся от прочих. Она ярче других, лучше видна и имеет голубоватый цвет.

— Проктор, ты помнишь эту звезду?

Помню ли я? Мои мысли путаются; они похожи на короткие соломинки, несомые потоком воды. Они перепрыгивают с места на место. Я думаю то об океане и его равнодушных черных просторах, то о звезде, пронзающей небо, словно луч прожектора. Все это мне известно и в то же время нет; все знакомое — и совершенно чужое.

— Ты озяб, — говорит женщина.

Так оно и есть. У меня дрожат руки и ноги, а зубы выстукивают барабанную дробь. Она плывет рядом.

— Возьми меня за руку, — предлагает она.

Оказывается, я уже держу ее за руку. У нее теплая кожа, которая словно живет своей жизнью и оттого пульсирует. Потрясающее ощущение, сильное, как приливная волна. Мое тело окутывает другая волна — волна нежности. Возникает чувство родного дома, возвращения домой.

— Ты готов?

Она поворачивается ко мне. На мгновение я вижу ее лицо, но все происходит слишком быстро, и ее облик не успевает запечатлеться у меня в памяти. Потом ее губы прилипают к моим, и она целует меня. Сквозь меня проносится вихрь ощущений. Кажется, будто разум и тело вдруг соединились с беспредельными силами. «Это и есть чувство любви, — думаю я. — Когда же мы разучились любить?» Женщина обнимает меня, прижимая мои руки к моей груди. В этот момент до меня доходит, что вода меняет свойства. Она становится менее плотной.

— Проктор, пора просыпаться.

Я лихорадочно бью руками и ногами, чтобы удержаться на плаву. Без толку. Кажется, будто я ударяю по воздуху. Что-то крепко держит меня, и я едва могу шевельнуться. Море исчезает, раскрываясь, словно пасть. Ужас сжимает мне горло, не позволяя закричать...

— Посмотри вниз, — шепчет мне на ухо женщина.

Я смотрю и одновременно ныряю. Мы оба ныряем в безграничную черную бездну.

Последнее, о чем я успеваю подумать: «Море полно звезд».

Меня зовут Проктор Беннет. А теперь о том, что я называю своей жизнью.

Я — гражданин островного государства Проспера. Острова нашего архипелага расположены далеко от материков. Удаленная от остального мира, Проспера живет в гордом одиночестве. Ее климат, как и все остальное, исключительно благоприятен: теплое солнце, прохладные ветры с океана и частые ласковые дожди. Первый остров имеет то же название, что и весь архипелаг, — Проспера¹. Его очертания напоминают не слишком правильную окружность. Площадь острова — четыреста восемьдесят две квадратные мили. На нем живут все просперрианцы. Береговая линия Просперы сверкает чистым белым песком, леса полны зверей и птиц, а почва в долинах исключительно плодородна. Кому-нибудь наш остров покажется первозданным раем, но это, конечно, не так. Второй остров называется Аннекс. Там живут те, кто обслуживает просперрианцев: мужчины и женщины, чьи биологические и социальные показатели ниже наших, что, как я заметил, не мешает им быть вполне довольными своей участью. Площадь Аннекса вчетверо меньше. Он соединяется с нашим островом понтонным мостом, по которому весь этот разнообразный и необходимый обслуживающий персонал приезжает на Просперу и возвращается обратно.

Третий и последний остров архипелага сильно отличается от двух упомянутых выше. О нем мы почти ничего не знаем, за исключением того, что он существует. Официально он называется Детским островом, но за ним прочно закрепилось название Питомник. Это остров-крепость, почти со всех сторон окруженный мелководьем и высокими скалами, выступающими из воды. Единственный проход позволяет добраться до восточного побережья острова. По этому проходу и движется паром. Каждый просперрианец за свою итерацию дважды совершает путешествие на пароме: в начале и в конце. О населении Питомника я ничего не знаю, хотя оно наверняка есть. Некоторые считают, что там живет сам Дизайнер, наблюдая за процессом регенерации, являющимся основой нашего образа жизни, ни на что не похожего.

¹ *Проспера* — название может быть переведено как «процветающая земля». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Кронин Дж.

К 83 Паромщик : роман / Джастин Кронин ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-26225-6

Остров Проспера — один из трех островов небольшого архипелага, затерянного в океанских просторах и изолированного от остального мира и человечества — или того, что от него осталось.

Население острова живет в привилегированном положении. За ним присматривает вспомогательный персонал, живущий в тесноте на соседнем острове, и когда к жителям Просперы приходит старость, их отправляют на третий остров — Питомник, где их тела возрождаются заново, воспоминания о прошлой жизни стираются, и помолодевшие старики снова возвращаются на Просперу.

Проктор Беннет — паромщик. Его работа — доставлять людей на Питомник. Он никогда не сомневался в пользе своей работы, пока однажды, перевозя собственного отца, не услышал от него фразу: «Этот мир — не тот мир». Что эти слова означают? Почему они звучат в его голове в странных снах о море и звездах? Почему у него стойкое ощущение, что этим кто-то пытается ему сообщить нечто очень и очень важное? Такое, что способно изменить не только его судьбу, но и судьбу всех живущих.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ДЖАСТИН КРОНИН
ПАРОМЩИК

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Владимир Петров
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.11.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-KNF-35206-01-R